

УДК 821.111-1.09(043.3)

Александр Никифоров (Полоцк)

СТИХОТВОРЕНИЕ «БОЛЬШЕ СВЕТА! БОЛЬШЕ СВЕТА!» ЭНТОНИ ХЕКТА В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ ХОЛОКОСТА

Батальный опыт Энтони Хекта (Anthony Evan Hecht, 1923–2004) стал уникальным опытом для американского поэта. Художественное осмысление увиденного отразилось в сборнике стихотворений, изданном через двадцать два года после окончания второй мировой войны. Книга Хекта «Тяжелые времена» [8] (1967) — Пулитцеровская премия (1968) — книга не только о связанных с войной переживаниях поэта-очевидца, это «...комментарий не просто на человеческую бесчеловечность к человеку, но также на бесчеловечность Судьбы к человеку» [13] (здесь и далее перевод мой. — А. Н.). Стихотворения этого сборника практически полностью вошли в книгу «Собрание ранних стихотворений» (1990) [6].

Самой, пожалуй, сильной реакцией на ужасы войны стала реакция на последствия нацистских зверств в освобожденном Флоссенбурге. В одном из интервью Хект комментирует свой опыт: «Флоссенбург был дополнением Бухенвальда. Он являлся одновременно лагерем смерти и лагерем рабского труда, где заключенных заставляли изготавливать мессершмитты на заводе, находившимся внутри периметра лагеря. Когда мы прибыли, персонал СС уже, конечно, сбежал. Заключенные умирали со скоростью 500 человек в день от тифа. Так как у меня были зачатки французского и немецкого, меня назначили опрашивать тех французских заключенных, которые чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы говорить, в надежде сохранить свидетельства против тех, кто управлял лагерем» [7, с. 26]. После войны Энтони Хект, воспользовавшись законом о льготах демобилизованным, поступил в Кэньон Колледж, где познакомился со многими ведущими поэтами США [4]. Помимо учебы у поэта и критика Джона Кроу Рэнсома (John Crowe Ransom, 1888–1974) и литературоведческой работы, Хект занимался вопросами холокоста. Насколько сильно было его переживание, свидетельствуют слова самого поэта: «Само место, страдания, свидетельства заключенных были вне понимания. Многие годы после я просыпался от крика. Я должен добавить еще одну важную деталь: после войны я много читал литературы о холокосте, и я уже не могу мою злость и отвращение от реально увиденного не смешивать с тем, что мне позже пришлось узнать [7, с. 26]. Случай Хекта — случай неординарный для американской поэзии холокоста. Из всех известных поэтов США, непосредственных участников второй мировой войны, очевидцами нацистских зверств стали еще несколько поэтов. Среди них можно выделить Ганса Юргенсена (Hans Jurgensen), Ефима Фогеля (Ephim Fogel) и Луиса Симпсона (Louis Simpson). Рэндалл Джаррелл (Randall Jarrell), признанный самым крупным американским поэтом, писавшим о второй мировой войне, и который часто обращался к теме холокоста, хоть и служил в вооруженных силах США, не покидал континента и не участвовал в военных действиях.

Рассматривая стихотворения Хекта о холокосте (примером может служить разбор стихотворения «Persistences» в свете стихотворений «More Light! More Light!», «Rites and Ceremonies», а так же в контексте австралийской поэзии холокоста смотрите в статье профессора Питера Стила [6, с. 55–72]), и в частности самое известное произведение на эту тему «Больше света! Больше света!» [8, с. 64–65], следует учитывать, что они стали итогом как восприятия солдата-освободителя, так и двадцатилетнего осмысления трагических событий. «Больше света! Больше света!» вошло во множество антологий мировой и американской поэзии о второй мировой войне, к примеру: *Articles of War. A Collection of Poetry about World War II* / Ed. by Leon Stokesbury. — The University of Arkansas Press, 1990. — 229 p. (p. 104–105); *Blood to Remember. American Poets on the Holocaust* / ed. by Charles Fishman. — Lubbock: Texas Tech University Press, 1991. — 426 p. (p. 61–62); *Holocaust Poetry* / ed. and with an introduction by Hilda Schiff. — New York: St. Martin's Griffin, 1995. — 234 p. (p. 99–100); *Beyond Lament: Poets*

of the World Bearing Witness to the Holocaust / ed. and with an introduction by Marguerite M. Striar. — Evanston: Northwestern University Press, 1998. — 565 p. (p. 54–55); Poets of World War II / Ed. by Harvey Shapiro. — New York: The Library of America, 2003. — 262 p. (p. 170–171); The Oxford Book of War Poetry: Second Reissue / ed. by Jon Stallworthy. — New York: Oxford University Press, 2008. — 400 p. (p. 303–304). Стихотворение состоит из двух следующих друг за другом сюжетов. Название стихотворения — предположительно предсмертные слова Гете, не впервые используемые в англоязычной поэзии (к примеру: «Let the Light Enter» с подзаголовком «The Dying Words of Goethe» Фрэнсис Харпер (Frances Harper, 1825–1911) в антологии американской женской поэзии XIX века *American women poets of the nineteenth century: an anthology* / ed. by Cheryl Walker. — New Brunswick: Rutgers University Press, 1992. — 423 p. (p. 245–246) или стихотворение малоизвестного автора R.V. Hayday «More Light for All» опубликованное в журнале *Douglas Jerrold's Shilling Magazine*. V 4. — London: The Punch Office, 1846 (p. 61)), как бы озаглавливают каждую из частей стихотворения. Первые три строфы повествуют о казни на костре христианского мученика. Учитывая особенности смерти, можно предположить, что стихотворение повествует о Хью Латимере (Hugh Latimer, 1485–1555), известном деятеле английской Реформации, которого, как и многих других протестантских церковников, приговорили к смерти за ересь протестантизма после прихода к власти Марии Тюдор.

Мария, преданная католичка, стремилась к примирению с Римом, для этого было подготовлено ходатайство парламента «о прощении». Таким образом «восстановлены были старые законы о сожжении еретиков, подготавливалась и казнь наиболее видных протестантских церковников. Последовавшее за этим жестокое преследование еретиков и сектантов <...> оказалось фатальным предприятием по тому характеру, которое они приняло. После виднейших церковников — Латимера, Хупера, Феррара и, наконец, архиепископа Кранмера — жертвами преследований становятся только люди неизвестные, главным образом ремесленники и мелкие фермеры. Сожжено было около трехсот человек, выбранных, по-видимому, случайно» [2, с. 163]. Масштаб этих преследований, конечно, несравним с масштабом преследований «не-арийцев» нацистами, но, если учитывать, что в первом случае события происходят в XVI веке, то расправа над протестантами, не имеющая прецедентов подобного размаха, вполне сопоставима с фашистскими зверствами. И именно на этом сопоставлении строится стихотворение «Больше света! Больше света!».

В оставшихся пяти строфах Хект художественно переосмысливает реальный эпизод, описанный в книге Евгения Когона «Теория и практика ада» [10]. «Шарфюрер увидел двух евреев, чьи силы были на исходе. Он приказал поляку по имени Штраска закопать двух человек, которые едва могли держаться на ногах. Поляк отказался. Шарфюрер взял кирку, ударил поляка и принудил его лечь в одну из канав вместо двух евреев. Затем он заставил евреев закопать поляка. Они согласились в страхе за свои жизни и в надежде избежать страшной участи. Когда только голова поляка осталась не покрытой землей, эсэсовец остановил евреев и велел откопать. На этот раз евреям пришлось лечь в канаву, а поляку приказано было закапывать их. Потихоньку канава наполнялась землей. Когда работа была закончена, шарфюрер лично утрамбовал землю над двумя жертвами» [10, с. 94]. В стихотворении эта история звучит с дополнением. После погребения евреев заживо офицер СС стреляет поляку в живот, и тот через несколько часов истекает кровью.

Стихотворение «Больше света! Больше света!» построено на параллелях. Это, прежде всего, касается сюжетов, но, тем не менее, ключевыми позициями в толковании замысла, причины сравнения событий мученических смертей в средневековье и во время второй мировой войны являются некоторые общие, объединяющие детали начальной и заключительной части стихотворений, причем многие детали не становятся очевидными после первого прочтения. Ключом к пониманию стихотворения может служить сравнение способа подачи той или иной детали. Параллелизм кроется не только в художественной организации текста. Сравнивая художественное осмысление и сами реальные исторические события, можно заметить то, на чем Энтони Хект ставит акценты, а какие детали замалчивает. Заявленная в заглавии идея *света* проходит через все стихотворение и становится определенным общим знаменателем для этих двух историй. Свет в стихотворении представлен в трех проявлениях: свет божественный, свет гуманизма и личный свет человека. Свет в первом случае

символизирует отношения человека и Бога, во втором — человека и человечества, и в третьем — человека и человека.

Composed in the Tower before his execution
 These moving verses, and being brought at that time
 Painfully to the stake, submitted, declaring thus:
 "I implore my God to witness that I have made no crime."
 Nor was he forsaken of courage, but the death was horrible,
 The sack of gunpowder failing to ignite.
 His legs were blistered sticks on which the black sap
 Bubbled and burst as he howled for the Kindly Light.
 And that was but one, and by no means one of the worst;
 Permitted at least his pitiful dignity;
 And such as were by made prayers in the name of Christ,
 That shall judge all men, for his soul's tranquility.

В начальных строфах, повествующих о казни Хью Латимера, епископа Вустерского, говорится о том, что мученик «взвыл к Милостивому Свету», заявив пред этим: «Я призываю моего Господа в свидетели, что я не совершил преступления». Тот факт, что эти слова произносятся тогда, когда огонь уже охватил жертву, говорит о том, что мученик взывает к Божественному Свету, который милостью своей облегчит его страдания и приведет к скорейшей смерти, а затем, по вере мученика, введет его в Царствие Небесное. И поскольку он считает себя невиновным, страдающим за веру, то его мученическая смерть расценивается как подвиг перед Богом и гарантирует жизнь вечную. В стихотворении это положение выражается в том, что Хект рифмует «скорбное достоинство» (pitiful dignity) и «успокоение души» (soul's tranquility).

Брат Николоса Ридли (Nicholas Ridley, 1500–1555), приговоренного к смертной казни вместе с Латимером за ересь протестантизма, принес мешочки с порохом, которые вешали на шею, чтобы ускорить смерть сжигаемых и таким образом уменьшить их страдания. Мешочек с порохом на шее Латимера не воспламенился, но, тем не менее, смерть его была быстрой (подробнее о смерти Хью Латимера см. переиздание книги 1861 года G.L. Duyskinck «The Life of Hugh Latimer» [3, с. 188–204]). Здесь Хект не отстает от действительности и, объясняя предсмертные слова мученика не тем, что «его оставило мужество» (nor was he forsaken of courage), говорит о том, что мешочек не загорелся и смерть, как следствие, была ужасной. По свидетельствам очевидцев, последними словами Латимера, сказанными епископу Лондонскому, были: «Мы в этот день зажжем такую свечу в Англии, чей огонь никогда не угаснет» [5, с. 151]. Огонь в этом смысле тоже источник света. Вот почему смерть его была благородна и достойна в лице присутствовавших на казни людей. Бога Иисуса Христа мученик призывает в свидетели своей невиновности. Поэтому слова, что «Христос будет судить всех людей» (Christ, / That shall judge all men) вводятся автором для того, чтобы показать, что жертва не просит кары для своих палачей, а это, в свою очередь, говорит о том, что человечность, равно как и мужество, не оставили его. Очень важное для понимания этого стихотворения заключение приводит исследователь литературы холокоста Лоуренс Лэнгер, «то, что человек может сделать человеку не является мерилем религиозной сферы его [мученика] существования» [11, с. 5]. Поэтому, когда Латимер говорит о свече, он имеет в виду свет человеческой души, которая у Бога просит Милостивого Света для соединения с ним. Огонь его костра, таким образом, становится метафорическим, а реальным становится тот огонь, который своей смертью он сможет зажечь в сердцах людей, которые стали свидетелями того, как он мужественно встретил казнь.

We move now to outside a German wood.
 Three men are there commanded to dig a hole
 In which the two Jews are ordered to lie down
 And be buried alive by the third, who is a Pole.
 Not light from the shrine at Weimar beyond the hill
 Nor light from heaven appeared.

Действующие лица второй части стихотворения одновременно невольные жертвы и палачи, за исключением офицера СС. Действие происходит неподалеку от Бухенвальда, и этот лес у Хекта становится просто «немецким лесом» (German wood). Коротко изложив приказ поляку закопать заживо двух евреев в только что вырытой яме, Хект делает страшное и важное отступление в полторы строки «Ни света из Веймарской обители за холмом, / Ни света с небес не явилось» (Not light from the shrine at Weimar beyond the hill / Nor light from heaven appeared). Этим Хект дает понять, что ни свет гуманизма Гете, ни тот Милостивый Свет, к которому взывал Латимер, не проявят себя здесь. Первую строку можно воспринять как горькую иронию: рядом с тем местом, где жили немецкие писатели-гуманисты, будут происходить бесчеловечные игры с волей и жизнями людей. Видимо поэтому автор отказывает офицеру СС в человеческом описании, редуцируя его образ до пистолета Люгера, перчатки и сапога. По той же причине в тексте употребляется слово *shrine*, которое означает не только обитель или святыню, но и усыпальницу, гробницу. В первом случае это попрунная немецким сапогом его же национальная святыня, а во втором случае — могила, где гуманизм был сегодня похоронен. Так или иначе, после произошедших не так далеко событий это место уже не может быть местом поклонения.

But he did refuse.
A Luger settled back deeply in its glove.
He was ordered to change places with the Jews.
Much casual death had drained away their souls.
The thick dirt mounted toward the quivering chin.
When only the head was exposed the order came
To dig him out again and to get back in.

Следующее упоминание света появляется после описания эпизода, когда отказавшемуся закапывать живых людей поляку приказывают лечь в яму вместо евреев и те уже почти закапывают его. Евреи, осознающие неминуемость своей смерти, пытаются продлить собственное существование, обрекая на смерть поляка. То, что происходит с евреями, Хект объясняет тем, что «избыток обыденности смерти вымыл из них души».

No light, no light in the blue Polish eye.
When he finished a riding boot packed down the earth.
The Luger hovered lightly in its glove.
He was shot in the belly and in three hours bled to death.

Первые слова строки «Ни света, ни света в синем глазу поляка» Хект как бы рифмуется с заглавием, что позволяет предположить, что до того момента, как евреи стали его закапывать, он, подобно Латимеру, взывал к свету. И так как зов этот повторяется дважды, можно сказать, что в первом случае это зов к Милостивому свету, а во втором — к свету в душах невольных палачей. Лэнгер объясняет этот эпизод следующим образом. «Исходная ошибка поляка крылась в том, что он вел себя так, как если бы его заключили в Тауэр для публичной смертной казни в традиционной атмосфере религиозной действительности; “обыденность смерти” научила евреев тщетности подобного ожидания. Понимая свою “ошибку” поляк не видит иного выхода, как только отказаться от своей души тоже» [11, с. 6]. Обыденность, обыкновенность подобной смерти была характера для времени войны. Джонатан Литтелл в романе «Благоволительницы» приводит такую статистику: «если суммировать эти показатели [наименьшее предположительное количество погибших во второй мировой войне. — А. Н.], окажется, что в течение всего обозначенного периода каждые 4,6 секунды погибал один человек» (перевод с французского — Лешневская, Мельникова) [1, с. 150–151].

No prayers or incense rose up in those hours
Which grew to be years, and every day came mute
Ghosts from the ovens, sifting through crisp air,
And settled upon his eyes in a black soot.

Поляку выстреливают в живот, и он через три часа умирает. «Ни молитв, ни ладана не поднималось в эти часы» к небу. Часы эти «вырастают в года». И даже в последних строках Хект отказывает своим персонажам и читателям в надежде на человека. «Призраки из печей» движутся к «могиле» поляка и останавливаются на его глазах. Вроде бы появляется надежда на некоторое облегчение, смягчение финала, на снятие напряжения, накопившегося в время чтения. Может глаза, в которых некогда горел свет, еще не совсем «потухли»? Поэт, к сожалению, неумолим. Вместо надежды — «черная сажа». Намеренная тавтология последнего словосочетания — обратный вариант слов «Больше света! Больше света!» Это сажа принесенная призраками из печей, и это же адская сажа мученика, в последний момент отказавшегося от Мученичества в христианском понимании. Усугубляет финал еще и неопределенный артикль *a*, указывающий на то, что это всего лишь один из эпизодов, количество которых никогда не станет известно. Завершающие строфы подтверждают, что «то, то человек делает человеку и *есть* мерило всех вещей» [11, с. 6], еще и потому, что, согласно Писанию, «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [Мф. 25:40].

Элизабет Лош в главе посвященной «американской поэзии после Аушвица» своего диссертационного исследования утверждает, что у Хекта, как и у многих поэтов США, писавших о холокосте, в стихотворении присутствует так называемая «логика синекдохи» [12, с. 105–106], постоянная замена целого частью. Тем не менее, нельзя видеть в каждом ключевом элементе стихотворения подобную замену. Если, к примеру, можно согласиться с тем, что люгер в перчатке символизирует нацистскую систему истребления, то в двух безымянных евреях мы не можем видеть всю нацию, поскольку со слепой последовательностью пришлось бы сделать вывод, что для целого народа «избыток повседневной смерти» означает «вымывание» души. Нельзя ведущий троп стихотворения распространять на весь текст, определяя, где тот или иной прием «срабатывает», а где требует иного толкования.

Американская поэзия холокоста лишена стихотворений непосредственных свидетелей и жертв нацистской машины убийства, вместо этого существуют произведения, написанные со слов очевидцев, как, например, сборник стихотворений Барбары Хьетт «В доказательство. Стихотворения об освобождении нацистских концентрационных лагерей» (1986) [9]. Стихотворение «Больше света! Больше света!» стоит в одном ряду с поэзией холокоста Рэндала Джаррелла, Кеннета Фиринга, Ганса Юргенсена, Луиса Симпсона, но по степени своей безнадежности, если угодно, безжалостности к персонажам и читателям, по уровню осмысления оно превосходит многие другие произведения об ужасе нацизма. Многие другие стихи поэтов США зачастую нет-нет, да вселяют надежду, показывая, что доброе начало в человеке все-таки способно, пусть не в данный момент, но после одержать верх. И, тем не менее, именно бескомпромиссность слов Энтони Хекта позволяет надеяться, что, как сказал Мэтью Арнольд, «нас спасет поэзия».

Литература:

1. Литтелл, Дж. «Благоволительницы» / Джонатан Литтелл // Иностранная литература. — 2009. — № 5. — С. 140–192.
2. Мортон, А.Л. История Англии / А. Л. Мортон ; [пер. с англ. Н. Чернявской]. — М. : Изд-во Иностранной литературы, 1950. — 462 с.
3. Duyckinck, G.L. The Life of Hugh Latimer / George Long Duyckinck. — BiblioBazaar, 2009. — 212 p.
4. Ford, M. Antony Hecht. American poet whose experiences of the Second World War and the Holocaust permeated his work / M. Ford // The Guardian [Electronic resource]. — 2004. — Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/news/2004/oct/25/guardianobituaries.books>.
5. Gilpin, W. The Lives of Hugh Latimer, Bishop of Worcester, and of Bernard Gilpin / William Gilpin. — London : R. Blamire, 1780. — 368 p.
6. Hecht, A. Collected Earlier Poems / A. Hecht. — Michigan : Knopf, 1990. — 272 p.
7. Hecht, A., Hoy, P. Anthony Hecht in conversation with Philip Hoy / A. Hecht, P. Hoy. — Toronto : Between the Lines, 2004. — 168 p.
8. Hecht, A. The Hard Hours / A. Hecht. — London : Oxford University Press, 1967. — 103 p.
9. Hyett, B. H. In Evidence. Poems of the Liberation of Nazi Concentration Camps / Barbara Helfgott Hyett. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1986. — 161 p.

10. Kogon, E. The Theory and Practice of Hell: the German concentration camps and the system behind them / Eugen Kogon, translated from German by Heinz Norton. — Berkley : Berkley Books, 1998. — 333 p.
11. Langer, L.L. The Holocaust and the Literary Imagination / Lawrence L. Langer. — London : Yale University Press, 1977. — 313 p.
12. Losh, E. Silent Readings: Lessons in Objectivist Poetics for Contemporary American Poetry: PhD Dissertation / Elizabeth Losh. — Irvine : University of California, 1998. — 256 p.
13. Renner, B. Look at Anthony Hecht's «The Hard Hours» / B. Renner // Elimae Essays [Electronic resource]. — 2005. — Mode of access : <http://www.elimae.com/essays/renner/HardHours.html> — Date of access: 29.08.2009
14. Steel, P. Chasm, Hope and Poetry / Peter Steel // Sighs Too Deep for Tears. RLA LECTURES 2001. Edited by Colette Rayment. — Sydney : RLA Press, 2002. — P. 55–72.

**The Poem «More light! More light!» by Antony Hecht
in the Context of American Holocaust Poetry**

The article dwells on the poem by Antony Hecht «More light! More light!» which is viewed in the context of American holocaust poetry. Historical allusions, peculiarities of composition, images of the oppressors and the oppressed are disclosed and commented in the poem.

УДК 172.15:821.111(73).09=87

Олена МакЛафлін (Миколаїв)

**НАЦІОНАЛІЗМ У ЛІТЕРАТУРНІЙ КРИТИЦІ
АМЕРИКАНСЬКИХ ІНДІАНЦІВ**

Історія американсько-індіанської літературної критики — досить молода галузь літературознавства навіть у США, не кажучи вже про Україну. Поза тим, література американських індіанців — невилучна частина багатоетнічної літератури Америки, і її не можна обійти увагою, адже, по суті, американсько-індіанська літературна традиція найдавніша на континенті.

Питання про те, які підходи використовувати до вивчення і критики літератури американських індіанців фундаментальне у дискурсі індіанських літературних досліджень сьогодні. Багато науковців, корінних американців за походженням (серед них Вомак, Воріор, Свішер), пропонують застосовувати тільки американсько-індіанські автентичні теорії. Їм опонують ті, хто підтримує ідею застосування й інших теорій та використання «інструментів господаря (завойовника)», що може виявитися дуже корисним для американсько-індіанських студій (Крупат, Джонсон, Шампейн). Тому одним з основних питань є питання, які теорії повинні мати пріоритет у інтерпретації індіанських літератур? Чи є американсько-індіанські теорії відповіддю на абсолютно всі питання та проблеми літератур тубільного населення США, або ж теорії мейнстріму також можуть бути корисними?

Перш ніж вирішувати, яким теоріям віддавати пріоритет, слід розглянути актуальні питання індіанських літературних досліджень та головні цілі, які сьогодні ставить перед собою література корінних американців. Її основна мета — створити національну літературу (на племінному і на панплеменному рівнях), а також опір силам колоніалізму і досягнення інтелектуального суверенітету. Це важливо мати на увазі, розглядаючи західно-американські теорії, так як вони не обов'язково служать меті літератур американських індіанців, а навпаки переслідують цілі мейнстріму. Тубільні науковці згодні, що метою будь-якої дослідницької програми корінного населення має бути підтримка громади, де проводиться зазначене дослідження, освіта та допомога процвітанню тубільних епістемологій. Тому, який би підхід не застосовувався для вивчення американсько-індіанської літератури і розвитку її літературної критики, він повинен, в першу чергу, бути культурно ефективним, а у випадку американсько-індіанських студій, він має бути орієнтований на нагальні питання корінних суспільств.